БАСИРА САРАЕВА

Только любовь

Skleněný
můstek
2016

Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Потерпев неудачу в конкурсе телеведущих, Нилуфар устраивается корреспондентом в газете и вскоре узнаёт, что жених обманывает ее. Чтобы предотвратить депрессию, она полностью отдается работе, делая серию репортажей о не очень популярных музыкантах, подорвавшихся на противотанковой мине. И вместо читательского резонанса обнаруживает, что влюбилась безнадежно. Кто и как спасает ее от новых приключений?

Корректор: Глафира Кошкина (Тюмень, Россия)

Басира Сараева - член Союза Писателей Азербайджана, доктор философии по филологии, старший научный сотрудник института Языкознания им. Насими НАНА. Bs.mnepora@day.az

© Басира Сараева 2016
© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-103-7

Содержание

Глава 1. Сирень Неувядаемая

Глава 2. Интеллигентный слуга

Глава 3. Защита от кризиса в личной жизни

Глава 4. Откровение за столом

Глава 5. Визит в Сурхабад

Глава 6. Поминая умерших

Глава 7. Газетная статья

Глава 8. Не Сирень, а Кувшинка

Глава 9. Разговор родственных душ

Глава 10. Приезд в Ипекйурд

Глава 11. «Шелковая» командировка

Глава 12. Доказательство любви

Глава 13. Отъезд журналистки

Глава 14. Записки выжившего музыканта

Глава 15. Тайна бордовой тетради

Глава 16. Объяснение

Эпилог

Глава 1. Сирень Неувядаемая

Из телецентра девушки вышли удрученные. Обе не прошли в финальный этап конкурса дикторов-ведущих. Несмотря на дядин звонок, Садагят не пробилась из-за ярко выраженного провинциального выговора, Нилуфар – просто из-за отсутствия связей в руководстве телерадиокомпании. Подруги расстались на автобусной остановке: Сада пошла домой – Нелли села на маршрутку и поехала на работу, где ее ждали клиентки.

– С чем тебя поздравить, тезка? – спросила главный редактор газеты и журнала «Частица сердца».

– С тем, что еще не раз буду обслуживать Вас, – ответила девушка женщине, подставившей волосы на укладку.

– Жалко, твоя мордашка прям напрашивается на экран, а голос – в микрофон.

– Конкурс и азербайджанизм – несовместимые понятия, – добавила другая клиентка, ожидающая очереди на стрижку.

– Причем тут азербайджанизм? Я ее без конкурса возьму.

Парикмахерша не ожидала предложения устроиться корреспондентом в газете от самого редактора. Для нее дикторство представлялось проще простого. Подают готовый материал – тебе только начитать в эфир, а журналист должен нести ответственность за каждое слово.

– В школе любила сочинения на свободную тему?

– Еще как!

– Тогда напиши пилотную заметку, например, о бабушке Солмаз, – сказала Нилуфар-ханум и передала привет своей воспитательнице. – Жду тебя в понедельник.

Через три дня Нелли пошла в редакцию «Частица сердца» с набитой на машинке историей жизни. Задание немного расходилось с предполагаемым замыслом. Девушка рассказывала о том, как ее воспитывали обе бабушки/ Пробегая по тексту, редактор не скрыла доброжелательную улыбку, но, увидев подпись «Нилуфар Закир-гызы», подняла голову, сделав неясную гримасу:

– Та-та-та-там! Две Нилуфар нам не нужны.

Мастер красоты разочарованно поднялась, но не успела вымолвить слова на прощание, как тезка произнесла с ухмылкой:

– Не ждала такого ответа? Журналист всегда должен удивлять читателя или зрителя. Сядь, малышка!

Нелли опустилась на стул, а женщина продолжала:

– Я же и тогда знала, как тебя зовут. Зачем мне ранить твою душу? Просто имела в виду псевдоним.

Молодая Нилуфар тупо уставилась на бумаги. Редактор сказала, что берет ее внештатным корреспондентом, обещала дать удостоверение и письмо, если потребуют респонденты, но трудовую книжку пока не открывала.

– Дальше всё будет зависеть от тебя. Вызовешь сенсацию, поднимешь свой и наш рейтинг – посмотрим.

– Раз две Нилуфар Вам не нужны, тогда Нелли Закир подойдет? – отважилась девушка.

– Красиво, но Закир – мой сын, а Нелли… Времечко такое, – возразила Нилуфар-ханум.

Этот разговор состоялся весной 1994 года, когда националистические веяния имели большой вес, хотя ко власти вернулся толерантный Гейдар Алиев.

Шеф-редактор улыбнулась, протянув девушке руку:

– Виват моя Сирень Неувядаемая – Ясемен Солмаз!

Это удачное сочетание она придумала экспромтом от имен обеих бабушек собеседницы: Ясемен, что означает «сирень» и Солмаз – «неувядаемая».

Новоиспеченная журналистка с упоением перечитывала свою пилотную заметку, уже сидя в автобусе.

«Родители собирались назвать первенца, если бы родилась девочка, Ясемен в честь папиной мамы, но смерть матери через два дня после родов изменила планы, и отец дал мне имя любимой жены. Новую семью он не создал и воспитывал меня, как мог. Не смирившись с потерей своей Нилуфар, Закир ушел в запой и сел на иглу. Через четыре с небольшим года не стало и его. С тех пор я живу то у бабушки Ясемен, то у Солмаз. Первая – скромная домохозяйка, мать четверых детей –

проживает в одноэтажном доме вместе с семьей старшего сына, другая тоже с сыном – в трехкомнатной квартире в девятиэтажке.

Дома бабушек находятся в пяти минутах от школы, но в разных направлениях. Мои родители учились в одном классе в той школе, которую я окончила пять лет назад, до семилетнего возраста ходила в садик бабушки Солмаз.

Сделав три безуспешные попытки поступить на факультет журналистики, я наконец-то, смирилась с вечерним обучением на филологическом факультете Бакинского госуниверситета. Днем подрабатываю в салоне красоты, делая модные и простые стрижки, укладывая волосы, иногда выщипываю брови. Клиентки довольны, мне приятно».

– Детсковато получилось, – тихо усмехнулась автор.

Фикрет приехал за невестой к их общей бабушке Ясемен. Девушка, собирающаяся на занятия, сияла от радости – жених старался поддержать ее настроение:

– Горжусь, что буду возить звездное перо.

– Теперь буду смотреть на тебя в телевизоре, – добавила бабушка.

Внучка сообщила о фиаско на ТВ, но обрадовала, что будет писать в газете и журнале под именем бабушек. Ясемен-ханум обняла Нелли, попросив подарить ей сиреневую шаль на первый же гонорар.

– За шалью помчусь хоть завтра. Сейчас гонорары не дают. Каждый автор сам платит редактору за публикацию.

– Эх, что тогда тебе остается? – развела руками женщина.

Фикрет пояснил, что его невеста будет брать деньги у тех, про кого напишет:

– Например, как я везу своего лидера, интересно только мне и родне. Мама заплатит Нелли – она известит публику, и твой внук станет самым популярным водилой в городе.

– И за сколько это обойдется?

– За 20 долларов в среднем, половина мне, половина редакции.

Но девушка не сказала, что не будет брать плату за статьи, а напишет их для души, требуя взамен только читательскую симпатию. Повезет, а там и на экране появится. Десять долларов она оплатит из выруч-

ки в салоне красоты. Никто из родных никогда не спрашивал, сколько она зарабатывает. На клиентов мастер не жаловалась. Некоторые, зная, что она сирота и собирается замуж, не брали сдачу и платили сверх положенного. Если чаевые в парикмахерской она принимала как должное, то плату в творчестве считала предвзятостью.

Фикрет возил Нилуфар в университет четыре раза в неделю. Будучи шофером председателя одной из политических партий, в свободное от работы время он распоряжался автомобилем как такси.

Молодые простились с Ясемен-ханум. Усадив рядом невесту, парень молча благодарил ее за то, что отвлекла бабушку от назойливого вопроса «когда ремонт закончится?». Девушка уже сыграла свадьбу[1] тогда, как жених медлил.

Фикрет был сыном ее тети по отцу, по-азербайджански, биби-оглу. Согласился на помолвку по просьбе матери. Кузина приняла предложение, потому что все ее одноклассницы уже вышли замуж, а большинство однокурсниц носили обручальные кольца.

Единственной свободной подругой была неудачница Садагят, учившаяся на дневном отделении филфака госуниверситета. Ей не везло во всём. Каждую сессию она сдавала через знакомых, а если просьбы не проходили, студентка прибегала к зеленым, которые добывала только у клиентов. Сада писала в четырех газетах и делала сюжеты для радио. Она и ввела Нилуфар в курс дела внештатного корреспондента, не видя в вымогании денег ничего зазорного.

Парень вышел из машины и побежал к таксофону, вернулся через несколько минут с искренней радостью на лице, что не ускользнуло от внимания невесты. Жених не впервые заставлял ждать себя, отвлекаясь на телефон-автомат. Сев за руль, он включил магнитофон, в котором зазвучал известный блатной (без ненормативной лексики) хит «Доля воровская».

– Кто только не исполнял эту песню, – произнесла Нелли.

– Один покойный сочинил, другой поет, – ответил Фикрет.

– А именно?

---

1 По традиции в Азербайджане жених и невеста играют свадьбу в разное время, но в XXI веке половину свадеб составляют объединенные. Здесь и далее примечания автора.

– Говорят, автор – маштагинец Эльчин. Его ножом пырнули, умер от кровотечения[2].

– Это я знаю. А кто поет?

– Кто-то из «Шестерки Умида»[3].

Нелли взяла из бардачка подкассетник и прочла цветной вкладыш:

– «Доля воровская» – Сейран Ульви.

Не раз видевшая фотографию группы на страницах газет и экране, она поставила палец на изображение упомянутого исполнителя:

– Страшило какой! По голосу не скажешь, что это он.

– Хотя они жили в Баку, выступали на свадьбах в районах и там же все погибли, – продолжил жених.

– Кажется, в Геранбое на мину наехали.

– Точно, – кивнул парень.

Они вспомнили историю, всколыхнувшую прессу больше года назад, но сразу же ушедшую в забытье.

Машина остановилась перед БГУ имени М.Э. Расулзаде[4]. Жених и невеста вышли одновременно. Он пожал ей руку, не собираясь проводить до аудитории, как в первые месяцы помолвки. Будучи старомодным коренном бакинцем, он не любил целовать невесту в коридоре, а просто шел рядом. Но за последнее время держался с ней крайне холодно.

– Ты любишь ее?

– Кого?

– Кому звонишь всегда.

Парень растерялся, но не солгал:

– Мы не дети, родная моя. И если хочешь правду, нам с ней хорошо.

---

2 Реальный случай, имевший место в 1993 г.

3 Вымышленная группа.

4 С 1991 по 2005 гг. Бакинский государственный университет носил имя идеолога азербайджанской государственности, председателя Национального Совета Азербайджана, публициста и драматурга Мамед-Эмина Расулзаде (1884-1955).

– Ее зовут Оксана?

– Откуда знаешь?

– Сада разнюхала.

– Так и знал, что эта назойливая муха…

Он не мог подобрать слов.

– Так оно и лучше, Фикуш. Я постоянно думаю о том, люблю ли тебя. То есть люблю как биби-оглу.

– И я люблю тебя, как дайы-гызы[5] и спрашиваю себя, имею ли право наносить новые раны на твое сердце.

Как Нелли, так и Фикрет с удовольствием разрывали помолвку, которая нужна была только их родственникам, а им – разве что для престижа.

– Это убьет нашу бабушку. Знаешь, сколько раз я скорую вызывала, – растрогалась девушка.

– А тебя не убьет, если я женюсь на тебе и через год-два всё равно брошу?

На минуту он подумал, что она предлагает брак по расчету, разведется, заполучив ребенка, сделает карьеру журналиста и заживет, как поп-звезда. Но она также держалась строгих правил и, сняв обручальное кольцо, ответила решительно:

– Я за семью, которую строится на любви.

Он снова окольцевал ее безымянный палец:

– Оставь на память. Я всегда сомневался в нашей свадьбе, поэтому не выгравировал в нём наши имена.

Парень поцеловал девушку в щеку впервые на глазах у снующей толпы во дворе ВУЗа. Слышавшие его обещания уладить проблему в сердцах восхищались заботливым женихом, беспокоившимся о невесте, завалившей экзамен.

---

5 Дочь дяди по матери.

Глава 2. Интеллигентный слуга

Абдул уже больше года жил и работал в селе Ипекйурд[6], охранял двор, убирал за скотом, обрезал деревья, а в последнее время и стирал одежду хозяина. Пожилые супруги Баладжафар-киши и Гызылгюль-хала[7] относились к нему, как к члену семьи, предлагая поселиться в доме, но он предпочитал сторожку у ворот рядом с гаражом с ветхим «Запорожцем».

Несмотря на обоюдную привязанность, жизнь слуги оставалась за туманной завесой. По словам участкового Бабира, его друг пришел в деревню, чтобы выбраться из депрессии – у него недавно погибла жена на восьмом месяце беременности, упав с обвалившимся балконом в доме брата. Мужчина в это время находился в отъезде, а когда прибыл, ее с серьёзной черепно-мозговой травмой только что поместили в реанимацию. Она умерла через десять часов, так и не придя в сознание. Ребенка изъяли путем кесарева сечения, но и он, также пострадавший от удара, не выжил. Когда Баладжафар-киши и Гызылгюль-ханум пытались спрашивать слугу о личной жизни, тот отвечал, что развелся с женой. Что бы там ни было, Бабир ручался за друга, божился, что он надежный и замечательный человек, пусть дружит с травками и иголками.

Сам Баладжафар-киши, страдавший тяжелой формой сахарного диабета (не зависящий от инсулина), доживал последние месяцы и прекрасно сознавав это. Неделю назад его выписали из больницы, где ампутировали правую ступню, а двумя месяцами ранее – большой палец той же ноги. В конце июля-начале августа старики перебрались бы к одной из дочерей, продав усадьбу людям, намеревавшимся скупить участки у нескольких соседей, чтобы построить зону отдыха. Абдул же планировал вернуться в Баку и попытаться начать новую жизнь.

– Жена, еще чаю! – приказал хозяин.

– А кто тебя в туалет поволочит? – раздался голос из кухни.

– Я не умер, отец, – произнес слуга, встав из-за стола, где играл с ним в шашки.

---

6 Ипекйурд и Сурхабад – вымышленные топонимы.

7 Слова «Эми», «дайы» – (дядя по отцу / по матери), «биби», «хала» (тетя по отцу / по матери) используются в значении «мужчина», «женщина» и т.д. также и в повествовательной речи.

Когда он вернулся с чаем и медом, соперник уже убрал игру в коробку, подтрунивая:

– Проигрывал и нашел повод улизнуть.

– Сам ты проиграл, – ответила жена, достав коробку с домино. – Он же не сдался, а ты не стерпел.

Гызылгюль-хала размешала косточки домино и, обняв дворецкого, усадила перед мужем.

– Я за «спасибо» не играю, – улыбнулся Абдул. – Если проиграю, большой серый гусь – ваш.

Предприимчивый слуга не только увеличил поголовье хозяйского скота, но и завел свой, поскольку места было предостаточно. Когда он прибыл к этим людям, в просторных сараях обитали тощая корова и две козы, которых старики собирались продать; в одном из пяти курятников находилось 15 кур. Некогда богатый фруктами сад также пришел в запустение.

– Аппетит пропал. Давай договоримся по-другому, – ответил старик. – Проиграешь – отрежу ногу, жена пришьет мне.

– Сам пришью, – усмехнулся Абдул. – А если проиграешь ты?

– Встанешь и включишь видео.

После выписки из больницы дочери купили ему видеоплейер, в который он просил ставить только одну кассету – малую свадьбу[8] внука Гусейна.

Слуга выиграл первую партию и послушно пошел подключить приставку к телевизору. Он уже в третий раз ставил эту запись и хотел уйти к себе, как хозяин приказал остаться.

– Если пленка оборвется, не буду же орать на сто километров.

– С чего ты решил, что с кассетой что-то не так?

– Говорю тебе, сядь и смотри до конца. Будто не знаю, зачем смываешься. Очередная доза зовет.

Старик в чём-то был прав, но слуга не мог созерцать кадры на видео без боли: то тупо опускал взгляд, то закрывал большие серые глаза.

– Как же красиво танцуешь, отец.

8 Торжество по случаю обрезания.

– Танцевал.

– Мои ноги к твоим услугам, и ты еще повоюешь, – пошутил мужчина с печальным лицом и подавленным голосом.

Абдул выглядел лет на сорок, на несколько лет старше реального возраста. Это был статный мужчина с огромной лысиной и редко выступающей улыбкой на задумчивом лице.

Он нехотя присел на стул, устремив взгляд на пол.

– Иди за кайфом, так и быть! – произнес Баладжафар-дайы.

– Разве этот пир не кайфарики спели? У всех на лице написано «наркоман», – сказал Абдул, указывая на членов группы «Шестерка Умида».

Старик нахмурил брови, а слуга, подойдя к телевизору, ткнул пальцем в сидевшего за синтезатором Сейрана Ульви:

– А этот вылитый главарь банды.

– Зато как поет! – вставила Гызылгюль-ханум.

Абдул нажал кнопку «стоп-кадр», и пианист с локонами, спадающими на плечи, с синими глазами и выщипанными бровями на заросшем лице застыл, как Сфинкс.

– Ну, просто загляденье! Как вам настоящий азербайджанец?

– А ну, прекрати и дай досмотреть, щенок! – пробурчал хозяин.

Мужчина нажал кнопку повторно, и песня в исполнении Сейрана приласкала слух стариков. Женщина заплакала, а слуга подошел к ней, прося прощение за оскорбление памяти погибших музыкантов.

– Давно этот пир был, – протянул он, посмотрев на всплывающую на экране дату.

– Почти два года назад. Дочка в Дашкесане живет. А покойных музыкантов там любили, – напомнила Гызылгюль-ханум.

– Сынок, ни я, ни жена не забыли твою доброту к нам. Просто больно, что ты губишь себя. Если те люди кололись и нюхали, то после смерти оставили память в сердцах поклонников. А ты, дурень, даже одним пальцем на пианино играть не умеешь.

Баладжафар-киши припомнил дворецкому, как пару месяцев назад шестилетний Гусейн тщетно учил его играть на игрушечном пианино «Жили у бабуси».